

Модели жизни и критерии эффективности жизненных стратегий

Аннотация

В статье рассматриваются жизненные стратегии как синтез внутренних побуждений индивида с системой социокультурных диспозиций, что является важной предпосылкой осмысленного построения индивидом жизни. Автор определяет, что компетентность в вопросах построения жизненной перспективы и жизненных стратегий служит залогом достижения жизненного успеха и личной эффективности.

Проанализированы разные подходы к типологизации жизненных стратегий, обосновано их разделение по критерию эффективности. При этом выделены определенные модели жизни, тесно связанные с существующими культурными ценностями и ценностными ориентациями и задающие представление об эффективной/неэффективной реализации соответствующих жизненных стратегий. Акцентируется возможность рассмотрения эффективности жизненной стратегии одновременно в нескольких плоскостях, в каждой из которых можно выделить характерные типы стратегий.

Ключевые слова: модели жизни, жизненные стратегии, функции жизненных стратегий, жизненный успех, критерии эффективности жизненных стратегий

Способность предвидеть важные события жизни и соответствующим образом соотносить с ними линию поведения является одним из важных условий человеческой деятельности. Поведение человека подвижно не инстинктом, а разумом, мышлением, одной из принципиальных особенностей функционирования которого является возможность предвидения, “заглядывания вперед”. Кроме того, любое взаимодействие основано на системе “договоренностей” в отношении деятельности, а отсюда — на системе ролевых норм и ожиданий касательно будущего поведения, поэтому эффективность взаимо-

действия и достижения конечного позитивного результата закономерно опирается на предвидение и стратегическую ориентацию человека.

Теоретики микросоциологии (Дж.Мид в ролевой теории, П.Бурдьё в теории “габитуса”, В.Ядов в теории диспозиции, И.Гоффман в концепции “фреймов”) отстаивают мысль о том, что деятельность человека неотделима от сформированной в обществе системы поведенческих ожиданий, опираясь на которые люди, подобно фигурам на шахматной доске, могут осуществлять более-менее предсказуемые ходы для достижения поставленных целей. Но чтобы успешно сыграть “партию” с жизнью, необходимо существование системы “правил” игры. Эти правила во многом задаются самим социальным актором на основе интериоризации норм, ценностей, обычаев, существующих в конкретном обществе. То есть стратегическая жизненная ориентация, без которой невозможно более или менее осмысленное построение жизни, является синтезом внутренних побуждений индивида с системой социокультурных диспозиций.

Однако сегодня эта стратегическое ориентирование оказывается весьма проблемным, несмотря на высокие уровни образования и доступа к информационным ресурсам (в том числе к разнообразной литературе по психологии и саморазвитию). Частично это связано с тем, что известная исследовательница в сфере жизнестроительства, Лидия Сохань, очертила так: “Шквал изменений, охвативший как социальные, так и индивидуальные формы жизни, диктует необходимость использования новых, нетрадиционных методов жизнепостроения и жизнеосуществления. Это требует наличия у субъекта жизни понимания смысла жизни и восприятия его целостности. При их отсутствии или слабости решения и действия субъекта жизни могут принимать хаотический характер, лишая жизнь продуктивности и перспективности. В связи с этим особое значение приобретает наличие у субъекта жизни стратегического видения и проектирования как построения, так и осуществления жизни” [Сохань, 2016: с. 362].

Таким образом, компетентность в вопросах построения жизненной перспективы с постановкой основных и промежуточных целей и стратегий их достижения представляется едва ли не самой главной субъективной предпосылкой достижения жизненного успеха и личной эффективности. То есть изучение специфики жизненных стратегий, особенно в связи с факторами социальной среды становится актуальным направлением для нынешних исследований [Сохань, 2016].

Следует сказать, что научные разработки стратегического построения жизни имеют место в некоторых социологических концепциях, где с разных сторон осмысливается вопрос построения актором жизни как результирующего влияния социальной макро- и микросреды и его собственных жизненных запросов. Еще Т.Лукман и П.Бергер в своей концепции социального конструирования реальности выдвинули идею, согласно которой “внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Человек сам должен классифицировать свои влечения и управлять ими” [Бергер, 1995]. По мнению ученых, человек постоянно находится в поле разделенной на секторы повседневной реальности. Часть этих секторов типизирована и относительно легка для восприятия, а другая часть — из-за того, что в ней человек постоянно соприкасается с разного рода проблемными вопро-

сами, — требует постоянной рефлексии. “Реальность, — подчеркивают авторы, — всегда включает оба сектора, поэтому индивиду нужно постоянно проверять свою жизненную стратегию на предмет ее успешности или неуспешности в конкретном случае или жизненной ситуации” [Бергер, 1995].

Эта проверка повседневной жизнедеятельности должна происходить на основе запаса знаний о конкретной ситуации, оценки собственных возможностей и анализа социального окружения. При этом типизированная часть реальности осмысливается на основе знаний, установок и стереотипов, усвоенных в процессе социализации. Обычно это экономит значительную часть жизненной энергии, однако в случае общественной нестабильности и изменений такие знания и установки утрачивают действенность — люди оказываются в ситуации вакуума, поскольку вынуждены переструктурировать сведения об окружающем и менять жизнь, формируя по возможности адекватные новым условиям стратегии.

Как уже отмечалось, попыток изучения феномена “жизненных стратегий” предпринималось довольно много в рамках и сугубо социологических, и социально-психологических исследований. Среди украинских ученых исследованиями стратегий занимались Е. Головаха, Е. Злобина и В. Тихонович, к отдельным элементам стратегической ориентации обращались В. Полтораки, Н. Шульга, И. Мартынюк, Н. Соболева, Ю. Сорока, Л. Бевзенко. Определенные наработки в изучении жизненных стратегий, в частности молодежи, имеет и автор данной статьи [Кухта, 2011; Мартинюк, 2013; Мартинюк, 2014]. Среди российских коллег можно назвать М. Мдивани, П. Кодесса, В. Большова, В. Букина, Л. Гатауллину, Д. Чеботареву, Н. Шапошникову, О. Васильева, Э. Демченко. Наиболее основательно подошли к всестороннему рассмотрению жизненных стратегий К. Абульханова-Славская, Ю. Резник и Т. Резник.

Следует отметить, что на Западе нет устоявшейся традиции изучения жизненных стратегий. Тема специфики построения жизни в масштабном измерении нашла там отражение в исследованиях жизненного пути (см.: [Ежов, 2005]). Так, в западной социологической мысли преимущественно на основе жизненно-событийного подхода анализируют “расписание жизни” и соответствующие экспектации. Начало исследований положил в своих работах Б. Ньюгартен. Продолжили их М. Коли, Х. Блосфельд, И. Хюнинк и др. Пожалуй, чуть ли не единственным исключением можно считать работу Л. Хельгессон, посвященную жизненным стратегиям. Поэтому базой в моих статьях касательно жизненных стратегий служат прежде всего работы отечественных и российских ученых.

В общем цель статьи — теоретический анализ жизненных стратегий, их конструирования, реализации и трансформации в современном украинском социальном пространстве. Для выполнения задачи нужно учитывать то, что понятие “жизненные стратегии” можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком понимании это определенный спектр диспозиций и поведенческих установок, имеющих длительную временную протяженность. В узком смысле жизненные стратегии означают определенную линию поведения или конкретные правила, которые обуславливают поведение человека в отдельных ситуациях жизни. Частично эта проблема решалась в предыдущих работах, где рассматривались понятия “поведенческих”, “жизненных стратегий” и, собственно, “стратегии жизни”. Те стратегии, которые относятся к преобладающим установкам в плане выбора

определенного поведения в отдельных ситуациях, можно назвать “поведенческими”; те, что касаются выбора отдельных промежуточных целей, направлений и составления планов — “жизненными стратегиями”, наконец, генеральную линию жизни можно назвать “стратегией жизни”.

Выбор поведения в локальном измерении в меньшей мере связан с необходимостью предвидения и масштабным проектированием жизни. Генеральная линия, то есть основное направление жизнеосуществления (что в значительной мере перекликается со “сценарием жизни” Эрика Берна) является в большей степени индивидуальным и уникально-психическим конструктом каждого конкретного человека. А вот жизненные стратегии как феномен, сочетающий индивидуальное с типичным и локальное с масштабным, нас, как исследователей, должен интересовать больше, поскольку открывает широкий спектр для исследований прогнозирования, планирования и организации жизни отдельными акторами, имеющими одновременно определенные типичные черты.

Что представляют собой жизненные стратегии? К.Абульханова-Славская одной из первых дала определение стратегии жизни как способности человека к синтезу своей индивидуальности с условиями жизни, которая реализуется в различных жизненных обстоятельствах, а также к ее воспроизводству и развитию. Ю.Резник и Т.Резник определили жизненные стратегии как “социально обусловленные системы ориентации личности на длительную перспективу”, являющиеся символически опосредованными и по своему влиянию выходящими за рамки сознания идеальными образованиями, реализующимися в поведении человека в качестве его ориентиров и приоритетов [Резник, 1995].

М.Мдивани и П.Кодесс считают жизненную стратегию развернутой во временной перспективе психологического будущего структурой жизненных целей; В.Большов — сложным динамичным образованием, в рамках которого реализуются жизненные притязания, формируются оценка и проект будущего состояния жизни и намечаются главные пути и способы достижения желаемого результата; В.Букин — динамической системой перспективной ориентации личности, направленной на сознательное изменение и конструирование своей будущей жизни в соотношении с определенным планом и на основании соответствующих способностей; Л.Гатауллина — общим планом организации жизнедеятельности индивида, который исходит из оценки условий своего существования, имеющихся у него целей, ценностей, ресурсов и понимания перспектив общественного развития; Д.Чеботарева — социально обусловленной системой ориентаций личности в личной и социальной сферах на длительную перспективу; Л.Бузунова и Н.Шапошников — системой представлений личности о своей будущей жизни, которая ориентирует и направляет повседневное поведение в течение длительного времени, а также способом сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни [Кухта, 2011].

Как видим, попыток дать определение понятия было достаточно. Если обобщить основные характеристики и свойства, упоминавшиеся в приведенных дефинициях жизненных стратегий, можно констатировать, что жизненные стратегии являются:

- внутреннепсихическим образованием индивида;
- структурой, определяющей способ достижения жизненных целей;

- результатом самооценки актором условий своего существования, соотношения целей и ценностей с имеющимися ресурсами;
- способом планирования, который определяется системой представлений о будущем (жизненной перспективой);
- общим планом организации жизни;
- сложным динамическим образованием, которое на основе перспективной ориентации определяет путь превращения желаемого в возможное.

То есть жизненным стратегиям присущи динамичность, перспективная ориентация во времени, структурированность и организация, планирование.

Исходя из этого, основными функциями жизненных стратегий являются:

- организационная (способствует организации жизнедеятельности индивида);
- регуляторная (способствует регулированию поведения и деятельности индивида);
- координационная (способствует координации и упорядочению различных видов деятельности, определению последовательности жизненных выборов);
- ориентировочная (на основе ценностных ориентаций и жизненных целей способствует жизненной ориентации индивида);
- целереализационная (способствует планированию достижения жизненных целей);
- адаптационная (способствует “привязке” достижения жизненных целей и реализации планов к социальным условиям жизнеосуществления);
- оценочная (способствует оценке собственных ресурсов для достижения запланированного);
- мировоззренческая (способствует формированию мировоззрения на основе приобретенного жизненного опыта в процессе осуществления определенной стратегии);
- рефлексивная (способствует переоценке собственных позиций и резюмированию результатов жизнедеятельности).

Собственно под понятием “стратегия” (древнегр. искусство полководца) понимают общий, недетализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период времени и имеющий своей задачей эффективно использовать ресурсы для достижения главной цели, попутно достигая промежуточных целей. В целом под “жизненными стратегиями” мы будем понимать комплексное социопсихическое образование, призванное обеспечить оптимизацию жизнедеятельности индивида в зависимости от его личных (психических — вроде ценностей, целей, склонностей и организмических — вроде здоровья, внешней привлекательности, способностей) и социальных (ближайший круг общения, социальная ситуация в обществе, статусно-ролевое распределение) параметров. Эта оптимизация будет происходить на базе представлений о желаемой или по крайней мере приемлемой для индивида модели (картине) жизни, в которой результируются мысленные усилия по построению жизненной перспективы. Сам факт формирования стратегий, концентрация усилий на предвидении своего поведения и поведения окружающих свидетельствует о попытках человека

минимизировать негативы, которые может “подбрасывать” жизнь, и максимизировать положительные, ресурсные аспекты жизни. На наш взгляд, можно выделить следующие модели:

- модель жизненного успеха и самопрезентации (накопление капитала — материального, социального и т.п., презентация себя как успешного, красивого, эффективного). Такие модели, в зависимости от общества, будут социально-типичными, то есть их формирование происходит в основном под влиянием представлений об успехе и достижениях, бытующих в данной социокультурной среде;
- модель жизненной реализации (реализация способностей и талантов, потенциала, саморазвитие). Эти модели ориентированы на самопознание и саморазвитие в зависимости от ресурсов, которыми обладает индивид. Они будут лично-типичными (например, всевозможные сообщества “йогов”, “сыроедов”);
- модель “праведной жизни” (соблюдение религиозных норм и норм морали, идеи о “правильной жизни”). Такие модели тесно связаны с ценностями, существующими в определенной культуре и, соответственно, со сформированными на этой почве ценностными ориентациями (то есть преобладанием направленности внимания на реализацию определенных ценностей в определенное время). Ценности и ценностные ориентации задают “арсенал” доступных для осуществления желаемой модели инструментов: поведения, морали, принципов. На базе этого “арсенала” формируется жизненная стратегия, направленная на реализацию модели жизни. Жизненная перспектива здесь будет выступать “картой-навигатором” пройденного и доступного.

Модель жизни формируется под влиянием социальных, культурных, личностных детерминант. Понятно, что в зависимости от модели будут различаться и жизненные стратегии. Будучи уникальными психическими феноменами, они будут иметь и определенные типичные черты, обусловленные спецификой социокультурного пространства, в котором разворачивается жизнь. В этом плане определение жизненных стратегий будет приближаться к конструированию в сознании маршрута, по которому будет прокладываться жизненный путь. При этом человек учитывает общественные обстоятельства и ситуации, при которых именно эта стратегия может привести к желаемому результату. Так “параллелизм” возраста и исторического времени позволяет соотнести жизненные пути индивидов с процессом исторических общественных изменений. Члены разных возрастных когорт проживают различные отрезки исторического времени в разном возрасте, со всеми возможными последствиями для их индивидуальных жизненных путей.

Именно из своеобразия (адекватности, глубины, своевременности) оценок внутренних и внешних ресурсов жизнеосуществления берет начало то разнообразие жизненных стратегий и построенных на них практик, которое мы наблюдаем в повседневной жизни. В то же время налицо воспроизводство типичных схем стратегического планирования, которые снова и снова воплощаются в действиях социальных акторов.

Что же лежит в основе распределения жизненных стратегий? Исследователи предлагают разные критерии для их типологизации. В частности, Л.Гатауллина выделяет критерий доминирующей ориентации людей. На основе этого критерия выделяются следующие модели:

- жизнеобеспечения;
- жизненного построения;
- жизнотворчества.

В рамках модели жизнеобеспечения выделяются стратегии возрастающего благополучия, сбалансированного благополучия и выживания. При этом модели жизненного построения и жизнотворчества считаются лучшими, однако требуют наличия соответствующих социальных условий. Этими условиями являются стабилизация социально-экономических аспектов жизни общества, повышение жизненного уровня основной массы населения, выравнивание возможностей жизненного старта.

Другой исследователь — Р.Пехунен — строит свою классификацию на основе способов разрешения конфликтов.

Впрочем, зачастую критерием типологизации служит критерий адаптации. Так, данный критерий используют отечественные исследователи Е.Злобина и В.Тихонович, российские Ю.Левада (дифференциация адаптационного поведения), Н.Наумова (внешняя и внутренняя адаптация), Е.Балабанова (способы борьбы с жизненными трудностями).

С 1990-х активно исследуются “адаптационные стратегии”, “стратегии выживания”. Например, Т.Заславская отмечает, что в основе адаптационной стратегии — стремление к социальному выживанию, к сохранению минимально допустимого социального статуса. Вместе с тем она выделяет три типа трансформационной активности: целевую реформаторскую деятельность, массовую социально-инновационную деятельность и реактивно-адаптационное поведение. Исходя из этих типов активности и совокупности таких признаков, как цели, мотивы, средства реализации, она выделяет четыре класса жизненных стратегий:

- достижительные;
- адаптационные,
- регрессивные;
- разрушительные (см.: [Мартинюк, 2014]).

В свою очередь, И.Шепеленко разрабатывает типологию жизненных стратегий на базе анализа социальной активности, целей и ценностных ориентаций, доминирующих в определенной социальной группе, а также методов и средств реализации этих целей. На базе эмпирических данных исследовательница приходит к выводу, что жизненные стратегии, с одной стороны, находятся под влиянием трансформационных процессов в обществе, а с другой — определенным образом влияют на ход и результаты этих изменений, а главным критерием выделения типов жизненных стратегий признает оценку меры успешности адаптации к современным условиям жизни. Аналогичный подход к типологизации жизненных стратегий применяет и Е.Балабанова. Она пишет о стратегиях борьбы с жизненными трудностями. При этом ее типологизация теснее соотнесена с реалиями жизни и базируется исключительно на эмпирических показателях, отражающих такие параметры, как индивидуальная активность и рациональность. Исследовательница выделяет также качественные типологии поведения в трудных жизненных ситуациях и определяет связанные с этим факторы: уверенность в себе, интернальный локус контроля, эмоциональная устойчивость, трудо-способность и др. [Кухта, 2011].

Подход к выделению типов жизненных стратегий по соотношению индивидуальной своеобразности и творческой активности человека предлагают Е. Варламова и С. Степанов. Они называют четыре типа жизненных стратегий:

- а) творческую уникальность (творческое отношение человека к собственной жизни, когда его преобразовательная инициатива приводит к высокой мере неповторимости и экстраординарности событий его жизни);
- б) пассивную индивидуальность (стихийный, случайный характер формирования человека, когда его индивидуальная своеобразность преимущественно не зависит от его усилий, а определяется внешними обстоятельствами);
- в) активную типичность (стремление человека быть “как все”, когда его усилия направлены на достижение общепринятых целей и ценностей);
- г) пассивную типичность (стихийное копирование человеком социальных стереотипов, слепое подчинение социальным нормам) [Варламова, 1998].

Действительно, адаптивность можно считать интегральным показателем в построении жизненных стратегий, ведь стремление к максимально комфортной жизни для подавляющего большинства оказывается генеральным побуждением при выборе и построении линии поведения. Вопрос в том, что следует понимать под адаптивностью. Обычно адаптивность понимают как поведение приспособления к внешним условиям и изменениям, даже если это приспособление имеет активно-преобразовательный характер.

Однако реалии современного общества таковы, что произошли изменения в уровнях влияния и подчинения, ведь в русле ведущих тенденций (индивидуализация, движение к гражданскому обществу с расширением прав и свобод отдельных людей, повышение уровня образования и тенденция к саморазвитию) состоялась трансформация, благодаря которой отдельный индивид как никогда способен повлиять на движение и развитие общества, а не только общество влияет на него. Эти тенденции частично обуславливают непредсказуемость и изменчивость социального развития. Таким образом, критерий адаптивности не может считаться определяющим — в условиях постоянной трансформации более важное значение приобретает не приспособление к внешним условиям, а умение выстраивать собственную линию исходя из собственных побуждений и потребностей. Эти побуждения и потребности уже будут в большей мере производными от культуры (с ее ценностями, символами), индивидуальными (учитывая уровень пассионарности индивида и его побуждения к определенным видам деятельности) и, только в конечном счете — социальными. Специфика современных условий заключается в том, что индивид может более свободно изменить (вплоть до смены страны проживания, религии, политической, культурной среды) то социальное окружение, в котором он чувствует себя дискомфортно и которое его не удовлетворяет, вместо того, чтобы приспосабливаться к имеющимся условиям. То есть на передний план выходит не только и не столько умение приспособиться к социальным условиям (адаптация), но и возможность реализовать собственный потенциал (или модель жизни, кажущуюся индивиду привлекательной).

К вопросу реализации потенциала чаще всего обращались представители психологии (А.Маслоу с его идеей самоактуализации), Э.Эриксон (жизненная эффективность или разочарование) и т.п. В данном контексте встречаются и такие термины, как “самоосуществление”, “жизнеосуществление”, “жизнетворчество”. По мнению автора, это следует понимать как возможность реализации определенной модели жизни, которая представляется индивиду наиболее приемлемой. Поэтому основным критерием в построении жизненных стратегий можно считать критерий их скоординированности с жизнью, совокупности линий поведения — с достижением желаемых и избеганием нежелательных событий/ситуаций. Т.Резник и Ю.Резник выделяют типы стратегий по определенным институциональным признакам:

- социально-экономическое положение;
- способ производства и трансляции культурных стандартов;
- система регулирования и контроля, социальный характер (коллективная ментальность), профессиональный этос.

То есть с точки зрения этих ученых, перечисленные признаки в совокупности образуют комплексный критерий социологической типологизации жизненных стратегий, а его содержание определяется характером социальной активности людей [Резник, 1995].

Этот подход представляется существенным: формирование жизненных стратегий обусловлено действием многих факторов, поэтому вполне уместно определение синтетического критерия их типологизации. Таким критерием, полагаю, может выступать **эффективность** жизненных стратегий. В экономике, где термин “эффективность” получил наибольшее распространение, он означает соотношение между результатом и потраченными для его достижения ресурсами. Эффективной, таким образом, является такая стратегия, которая предусматривает достижение цели с наименьшими расходами.

В общем принцип оптимизации соотношения затрат и достижений имеет место и в случае, когда речь идет об эффективности жизненной стратегии. Абсолютно уместным и оправданным представляется с точки зрения повседневной логики желание актора состояться во время целереализации, образно говоря, “малой кровью”, то есть с наименьшими затратами.

Однако когда речь идет об эффективности жизненных стратегий, принцип соответствия затрат результату является необходимым, но недостаточным условием. *Во-первых*, субъективная значимость поставленной цели в системе личностных ценностных приоритетов может весить гораздо больше, чем соображения внешней рациональной оценки. Так, влюбленные под влиянием чувства готовы совершать поступки, неоправданные с позиций здравого смысла, однако уместные, исходя из их эмоционального состояния. Или возьмем семью, которая в надежде (пусть даже призрачной) на выздоровление кого-то из близких (особенно — ребенка), готова пожертвовать средствами и имуществом, залезть в долги, однако не считает такую стратегию ошибочной, не взвешивая оправданность расходования материальных ресурсов, лишь бы спасти кого-то, но в ближайшей перспективе обречь и его, и остальных членов семьи на нищету — сложный и, с позиций постороннего, не всегда оправданный выбор.

Во-вторых, конечность перспективы биологического существования конкретного индивида накладывает определенные ограничения на оценку эффективности той или иной жизненной стратегии. Например, социальная

стратегия культурной ассимиляции завоеванных народов, рассчитанная на период смены многих поколений, позволила Римской империи успешно просуществовать сотни лет. И даже тогда, когда по всем другим показателям стратегия постепенных изменений является оптимальной, для обычного человека она может оказаться неприемлемой, учитывая его реальный возраст (алгоритм стратегии выживания сформулирован в одном из правил жизни древнекитайского мыслителя Конфуция: “Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как проплывают трупы ваших врагов”. Однако, заметим, можно и не дожидаться). Поэтому выбор эффективной стратегии обусловлен ее конгруентностью с обозримой жизненной перспективой ее субъекта.

В-третьих, если мерилom эффективности стратегии в экономике или управлении служит ее успех, то в отношении жизненной стратегии из-за многоплановости результатов жизнедеятельности субъекта стратегий жизненный успех нельзя так же однозначно признать критерием эффективности выбранной стратегии. Например, художник или ученый, получивший заслуженное признание благодаря своим достижениям, с одной стороны, получает доступ к большему количеству ресурсов, а с другой — попадает в оковы статусно-ролевых предписаний, поскольку вынужден теперь гораздо больше времени тратить на соответствующие ритуалы (представительство, встречи, заседания и т.п.). Нельзя не отметить и индивидуальную интерпретацию успеха — то, что является успехом для одного, может оказаться поражением для другого (вспомним философскую притчу, заложенную в сюжете повести братьев Стругацких “Сталкер”: один из героев прилагает сверхусилия, чтобы добраться до удивительного артефакта, исполняющего самое потаенное желание человека, лишь бы воскресить погибшего брата, но взамен получает кусок золота).

Поэтому, говоря об эффективности жизненных стратегий, нельзя ограничиваться утилитарно-прагматичным соотношением цели, достижению которой служит стратегия, и ресурсов, нужных для ее осуществления.

Поскольку жизненные стратегии характеризуются как динамические образования, призванные способствовать организации, регуляции, координации, ориентации, целереализации, адаптации, взвешенной оценке жизни индивида, критерием их эффективности является способность качественно выполнять очерченные функции, определяя средства их обеспечения. При этом нужно учитывать разноплановость упомянутых выше функций. Иначе говоря, эффективность жизненной стратегии следует рассматривать одновременно в нескольких плоскостях, в каждой из которых могут быть выделены характерные типы стратегий.

1. Следует учитывать вектор направленности жизненной стратегии исходя из того, чему она служит — адаптации к обстоятельствам или их изменению, и выявлять соответственно адаптивный (с широким спектром вариантов — от конформизма до эскапизма) и трансформационный (от направленности на радикальные инновации до направленности на уничтожение, разрушение препятствий, мешающих достижению цели) векторы. Этот критерий позволяет оценить способ приспособления индивида к внешним обстоятельствам.

2. Еще одним парциальным критерием эффективности жизненных стратегий является их легитимность или нелегитимность. Использование дихотомии позволяет сразу классифицировать жизненные стратегии с точ-

ки зрения соответствия их как нормам закона, так и моральным нормам. Например, под углом зрения достижения такой цели, как личное обогащение, эффективными могут представляться стратегии типа ограбления, разбоя, обмана, однако даже в случае успешного осуществления таких действий и уклонения от санкций со стороны закона будет иметь место разрушительный моральный эффект. Точно так же вряд ли можно считать эффективной жизненную стратегию, которая при формальном соблюдении юридических норм основывается на нелегитимном с точки зрения моральных предписаний способе действия — подлости, злоупотреблении доверием и т.п. С другой стороны, революционная деятельность, направленная на борьбу с общественной несправедливостью, может быть нелегитимной и с точки зрения правовых, и моральных норм (вспомним трагедию Че Гевары, преданного крестьянами, ради чьих интересов он рисковал жизнью), но в итоге привести к общественно полезным результатам. Такое видение выводит дискурс за пределы плоскости “легитимность/нелегитимность”, то есть типологизации жизненных стратегий с учетом того, как действует актер — в рамках норм, правил морали и законов данного общества или выходя за рамки этих норм, и это заставляет обратиться к другому, хоть и близкому по смыслу критерию оценки эффективности жизненных стратегий — соответствию общественным интересам.

3. Следовательно, нужно соотносить оценку жизненных стратегий как с точки зрения их общественной полезности, так и с точки зрения пользы для отдельного индивида, на основании чего жизненные стратегии индивидуального актора могут быть квалифицированы как общественно полезные или вредные. Так, построение жизни по принципу: “После нас хоть трава не расти” — может отличаться высоким уровнем эффективности для отдельного индивида, но в плане развития общества оно будет деструктивным. То есть вряд ли можно квалифицировать как эффективную жизненную стратегию, которая даже потенциально предполагает конфликт интересов индивидуального и коллективного акторов. Поэтому по критерию социальности жизненную стратегию можно интерпретировать как эффективную в случае ее положительного или по крайней мере нейтрального в отношении общества модуса.

4. Эффективность жизненной стратегии не может не оцениваться в плоскости приоритетов экстенсивности/интенсивности развития. В первом случае речь идет о наращивании внешних ресурсов (статусов, достатка, социального капитала и т.п.). Во втором стратегия ориентирована, в первую очередь, на саморазвитие субъекта (физическое, интеллектуальное, духовное), его самопознание, самоактуализацию и самореализацию.

5. Наконец, нельзя обойти вниманием и критерий адекватности общественной (равно как и жизненной) ситуации. Сфера распространения тех или иных типов стратегий и мера их эффективности будет определяться уровнями социально-экономического и культурного развития общества, действующим в нем общественно-политическим порядком; особенностями общественного производства и распределения; способом и уровнем жизни; особенностями социализации и образования; существующими средствами социальной регуляции; мерой включенности людей в жизнь общества; культурным контекстом; значимостью и влиянием традиций на социальную жизнь; а также многими другими факторами. Некоторые элементы стратегического подхода к жизни остаются неизменными со времен Шуме-

ра и Вавилона, другие относятся к достижениям технического прогресса, третьи — дань нынешней моде. Но при всем разнообразии форм и стилей организации акторами собственной жизни они должны быть когерентными историческим условиям, отвечать условиям того хронотопа, в котором находится личность. Существует даже литературный жанр, посвященный художественному изображению стратегий выживания героев, которые фантазией автора переносятся в иные исторические времена или обстоятельства. Перипетии применения анахронических стратегий поведения с юмором показаны в советской кинокомедии “Иван Васильевич меняет профессию” или во французской — “Пришельцы”. Но случаи из реальной жизни (например, при попытках антропологов адаптировать представителей отсталых племен к условиям современного технологического общества) свидетельствуют о серьезных рисках и опасностях, с которыми сталкиваются носители неадекватных обстоятельствам стратегий. Поэтому анализ эффективности жизненных стратегий с необходимостью предполагает рассмотрение феномена в контексте поля социальной реальности в сопоставлении с условиями развития современного общества. Приведенные парциальные критерии эффективности жизненных стратегий (минимизация затрат на достижение цели; адаптационный/трансформационный вектор направленности; легитимность/нелегитимность; общественная полезность; экстенсивность/интенсивность; адекватность/неадекватность в отношении ситуации) далеко не всегда дают основания для разделения стратегий на “хорошие” и “плохие”; они прежде всего служат выяснению разных аспектов и последствий (эффектов) целереализации. Так, рассмотрение общественных практик в нынешних украинских реалиях склоняет к мысли, что в аномийном обществе в основе построения эффективной жизненной стратегии — способность актора достигать целей в условиях “игры без правил”.

Подводя итоги, замечу, что каждый из указанных критериев эффективности жизненных стратегий, начиная с минимизации расходов для достижения цели и заканчивая адекватностью актуальным общественным условиям, дает основания для выделения как минимум трех типов стратегий — двух полярных и одного смешанного, промежуточного, то есть имеющего одновременно определенные признаки двух противоположных. Скажем, выбранная актором жизненная стратегия предполагает отчасти изменение ситуации, отчасти — адаптацию к ней. Отсюда и получается такое разнообразие социальных практик. Однако аналитическая ценность формального описания сотен конкретных разновидностей жизненных стратегий будет равна нулю, поскольку ни один исследователь даже при помощи современной вычислительной техники не в состоянии оперировать таким количеством типов, не говоря уже о поиске эмпирических референтов для их валидного измерения в прикладных исследованиях.

Впрочем, это не означает, что путь к типологии жизненных стратегий по синтетическому критерию эффективности бесплодный. *Эффективной* жизненная стратегия является тогда, когда: 1) отвечает всем названным выше критериям, а при ее реализации действуют все ее функции, то есть соблюдается *принцип функциональной полноты*; 2) имеет место гармоничное сочетание различных функций (соблюдается *принцип конгруентности*). Если один из этих двух принципов нарушается — то ли выбранная стратегия не отвечает одному (тем более — сразу нескольким) из шести парциальных

критериев, из которых формируется синтетический критерий эффективности, то ли связанные с ними функции несбалансированны, а эффективность жизненной стратегии в каких-то аспектах снижается, но в общем цель, достижению которой она служит, осуществляется, такую стратегию можно квалифицировать как неоптимальную. Если же нарушаются оба принципа — полноты и конгруентности — априори можно предположить, что данная стратегия хоть и способна привести к целереализации, все равно не сможет обеспечить качественного осуществления всего комплекса возложенных на нее функций, что дает основания считать ее *малоэффективной*. Наконец, жизненная стратегия, реализация которой не отвечает выполнению всего комплекса функций и в целом ставит под сомнение возможность достижения цели, должна быть отнесена к *неэффективным*.

В зависимости от субъективной значимости разных критериев в индивидуальной системе ценностных координат отдельной личности люди выстраивают различные жизненные стратегии. И преимущество предложенной системы типологизации заключается в том, что она позволяет благодаря использованию не одной, а целой группы критериев оценить жизненную эффективность разноплановых стратегий комплексно.

Источники

Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

Варламова Е. П. Психология творческой уникальности человека: Рефлексивно-гуманистический подход / Е.П. Варламова, С.Ю. Степанов. — М. : Инст. психол. РАН, 1998. — 203 с.

Головаха Е. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности / Головаха Е.И. // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб., 2001.

Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии / О.Н. Ежов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — № 3. — С. 22–33.

Кухта М. Життєві стратегії: поняття та особливості формування / М. Кухта // Соціальні виміри суспільства : зб. наук. пр. — К. : Ін-т соціології НАНУ, 2011. — № 3 (14). — С. 113–129.

Мартинюк І. Особливості взаємовідношення понять “стратегії життя”, “життєві стратегії”, “поведінкові стратегії” / І. Мартинюк, М. Кухта // Соціальні технології. Актуальні проблеми теорії та практики : зб. наук. пр. — Запоріжжя : Класичний приват. ун-т, 2013. — С. 111–126.

Мартинюк І. Специфіка побудови життєвих стратегій та перспектив представниками різних вікових груп / І. Мартинюк, М. Кухта // Вісник Національного авіаційного університету : зб. наук. пр. — К. : Нац. авіац. ун-т, 2014. — № 1. — С. 34–40. — (Серія “Соціологія. Політологія. Історія”).

Мдивани М.О. Методика исследования жизненных стратегий личности / М.О. Мдивани, П.Б. Кодесс // Вопросы психологии. — 2006. — № 4. — С. 146–150.

Панина Н.В. Особенности отношения к жизни на поздних этапах жизненного пути // Жизненный путь личности. — К. : Наук. думка, 1987. — С. 236–247.

Резник Т.Е. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив / Т.Е. Резник, Ю.М. Резник. — М. : Деловое содействие, 1995. — № 5. — 69 с.

Сохань Л. Стратегия жизни и стратегический потенциал личности / Л. Сохань // Соціальні виміри суспільства. — 2016. — № 6 (17). — С. 362–369.